

***

Лето не ждёт, не греет зноем.
Холод в груди –
холод домов и улиц.
Песен и танцев мне запоем
хотется, но
просто иду сутулясь.

Город схватил, подул в затылок
ласково так,
запахом льна, бензина,
винным хоралом из бутылок,
пляшет, дурак,
скачет на лбах машинных.

В этой коробке города
купишь в ларьке
с крошкой пломбир и солнце.
Сладко, тепло и холодно.

В танец и пляс
вместе, давай, вернёмся.

***

Детство закончилось: колокольчики в поле
отпели
лето. Закат. Птицы на юг улетели,
ничего не сказав. Пёрышки их поседели.
Мы повзрослели.

Вот и теперь: люди на юг улетают,
крыльями выше и выше... Имя твоё забывают.
В ясных глазах
небо – белые льдинки.
И ни слезинки.

***

Засыпаю в яблоневом сне.
Позабочься, милый, обо мне:
За руку возьми меня скорей,
Чтоб не страшно было. И согрей:
Пледом мягким потеплей укрой,
Сторожи мой сон, побудь со мной.

Ничего не сделал ты, дружок.
За руку не взял и не сберёг
Тёплого покоя моего.
То, что было дорого – мертво.
И теперь мне страшно засыпать:
Кто же будет сон мой охранять?

«*Отцу*»

1. Знаешь, был бы у нас отец -
вся жизнь сложилась бы по-другому.
Ее писал бы не тот творец,
что в небе,

а тот, что ждал бы нас, улыбаясь,
дома.

2. Я давно не жду невидимок-писем,
но всё так же больно писать стихи.
Без тебя уже восемь вёсен,
только зимний ветер ещё не стих.

Я скучаю, пап. Я скучаю. Сколько
накопилось слез и горячих слов?..
Ничего не прошу у Бога. Только
для меня счастливых с тобою снов.

3. И не помню совсем уже ни черта:
даже голос твой позабыла всуе.
Он был чем-то вроде спасительного моста –
выручал меня из множества горьких судеб.
По ночам ты больше не снишься мне,
и никто даже свечку за душу твою не ставит,
только изредка, в толще бесцветных дней,
образ твой в незнакомом лице
мелькает.

***

мне бы узнать твой номер
набрать и услышать голос
тянуться к нему всем телом
дыхание затаив

мне бы всего минуту
улыбку твою представить
узнать высыпаешься ли
и спиши ли ты там вообще

но я не смогу позвонить
в раю еще нет связи

***

В комнате шторы плотные.
Тусклой полоской свет
Гладит кровать дремотою,
Греет подушку мне.

Холодно спать, не хочется,
Сильно стучит в груди –
Нежность к кому-то колется,
Белым комком болит.

Мне бы его, уставшего,
Сразу бы боль в окно.
Сразу тепло и чашки,
Чай, поцелуй, кино.

«История одного подъезда»

Качнется фонарь. Свет упадет на подъезд.
Дверь деревянная скрипнет, зажмуряясь от света.
Тень ниже спустится к темной земле:
Гниль и побои как никогда станут светлы.

Надпись вверху еле видна. Гласит
Ржавым гвоздём как по коже: «Машка – шлюха».
Машки давно уже нет. В прошлом году гранит
Новый, блестящий, щелкнул над Машкой глухо.

Ниже – пробой, кричащий про Новый год,
Чай – нулевые. Вот это был попойка!
Даже Вадим Петрович, не пьющий который год,
Спьяну подрался с глухим, бомжеватым Колькой.

Справа, на ручке, держащейся просто так,
От нечего делать, колышется серым лента,

Уже и не лента. Тряпкой летела фата
Два года назад – поймали Петра за изменой.

Много того, что вспомнить бы да помянуть,
Сидя на красной скамейке, давно не красневшей.
Ветер баюкает дверь, пытаясь пылинки сдуть,
Зализывая побои тех дней, так давно болевших.

***

Она читает только по праздникам
молитвы собственного сочинения
дальнему, непонятному,
не понятому нами, грешными.
В остальное время – борщи, полы,
вещи
и разговоры
с лет десять назад родным и близким,
а теперь чужим и неразговорчивым.

В сочельник она шептала в себя, обнимая его
за шею:
«Господи, помоги: сделай так, чтобы он
был здоров и счастлив, приходил домой
вовремя, и любил, любил меня, господи, господи...»
Слеза медленно скатилась со щеки на подбородок,
капнула ему на шею, забралась за воротник...
...А он сидел нога на ногу, поглаживая рукой
её волосы, о чём-то задумавшись и держа в руках газету
(страница тридцать первая, рубрика: «куплю квартиру»)